

этого серьезного пробела прежде всего в том, что и четких классовых определений недостает во многих разделах истории древне-русской литературы, а вопрос о классовых корнях средневекового фольклора лишь намечен. Уже и те наблюдения, которые сделаны в настоящее время, показывают, что фольклор в древней Руси творился в самых разнообразных слоях общества, с разными задачами, что фольклора вообще, с единой целеустремленностью, с единым отношением к действительности не было даже в пределах каждого отдельного исторического момента. Классовая борьба, в ее своеобразных для эпохи феодализма формах, по-разному освещалась и отражалась в устном творчестве в разных социальных слоях. Между тем даже такой насыщенный прямыми отзвуками исторической действительности устный жанр, как эпос, безусловно недостаточно изучен с точки зрения классовой направленности. Выводы В. Миллера и исторической школы никак не могут удовлетворить в этом отношении современного исследователя. Еще менее изучена с этой стороны сказка. Сложен и часто противоречив состав русских пословиц, даже относящихся к одному периоду истории, а ведь они особенно охотно привлекались древне-русскими писателями.

Итак, четкая классовая характеристика всего этого устно-поэтического наследия древней Руси — первоочередная, неотложная задача, чтобы в каждом отдельном случае исследователь мог с определенностью показать, фольклором какого класса воспользовался писатель, сохранил или изменил он самую сущность использованного устного материала, и чем вызвано его отношение к этой сущности. Следует также иметь в виду, что не каждый период средневековья отразил в литературе классовую неоднородность фольклора.

Но и в тех случаях, когда писатель обнаруживает знакомство с подлинно народным творчеством, с лучшей частью поэзии трудового народа, он не всегда органически сливает свой замысел с народным, стремясь иногда затушевать именно существо своего устного источника, выражая во внешне „народной“ форме чуждое народу мировоззрение и отношение к действительности. В конечном итоге наблюдения этого рода приведут историка древне-русской литературы к заключению, что не всегда внешняя фольклорная окраска литературного памятника является признаком прогрессивности его, что элементы фольклора — но не его внутреннее идейное существо — по своему использовали и реакционные направления средневековой литературы.

При анализе каждого конкретного случая нужна крайняя вдумчивость и осторожность в оценке идейного — классового смысла слияния фольклора с литературой, чтобы не упростить проблему и не представлять в виде восходящей линии в древне-русской литературе все то, что так или иначе было связано с фольклором, а в виде нисходящей — то, что прямо и непосредственно с ним не соприкасается, хотя внутренне и не противоречит подлинно народному. Что, как, по-